

В. Н. Шайдуров

**НЕМЕЦКИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В XIX В.:
КОРПОРАТИВНАЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ***

doi: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-165-173

УДК 94(470.23-25)“17/18” ББК 63.3(2-2СПб)52

В социальной и экономической истории России XVIII — первой четверти XX в. ремесленник занимает видное место. В условиях отсутствия или слабой развитости мануфактурного, а затем и фабрично-заводского производства он был главным производителем товаров, без которых городской обыватель не мог существовать. В Санкт-Петербурге ремесленники с 1720-х гг. были объединены в цеха, которые просуществовали до 1917 г. (немецкие цехи до начала Первой мировой войны). Однако в историографии этой социальной группе уделено крайне мало внимания. На основе опубликованных и архивных документов в статье рассматриваются некоторые аспекты повседневной жизни немецких ремесленников Санкт-Петербурга в XIX в. Проанализирована эволюция гражданско-правового положения немецких ремесленников. Изучены процедура вступления новых мастеров в цеховые организации и возникавшие при этом проблемы. Некоторые из них искусственно создавались цеховым старшиной, чтобы ограничить круг мастеров и сохранить собственную монополию. Рассмотрены основные аспекты, связанные с открытием и содержанием мастерских. На примере булочного цеха представлены механизмы внутренней регламентации деятельности хлебных мастеров, которые должны были препятствовать распространению конкуренции. Главным источником рабочей силы в ремесленных мастерских были подмастерья и ученики, положение которых регламентировалось соответствующими документами. Сделаны выводы о том, что правительство уделяло недостаточно внимания ремесленникам в рамках сословной политики. Основные нормативно-правовые акты, определявшие их положение, появились в конце XVIII — первой половине XIX в. Немецкие ремесленники в столице были включены как в российские, так и в иностранные цехи. Они использовали существовавшую цеховую организацию для закрепления доминирующего положения в хлебобулочном, музыкально-инструментальном, переплетном и некоторых других производствах. Сохраняя по возможности цеховую замкнутость, старшина способствовал недопущению недобросовестной конкуренции между мастерами одного цеха. Он же регулировал отношения между мастером, подмастерьями и учениками.

Ключевые слова: *повседневная жизнь, немецкий цех, ремесленник, мастер, подмастерье, ученик, квартира-пристанище, Санкт-Петербург*

Введение

Ремесленное производство в Санкт-Петербурге на протяжении XVIII — первой четверти XX в. являлось важной частью городской жизни. Некоторые потребности горожан всех сословий удовлетворялись именно ремесленниками. В полной мере это можно отнести к хлебобулочным изделиям и другим продуктам питания. Невозможность купить три раза в день свежее испеченный хлеб могла спровоцировать всплеск социального недовольства.

*Шайдуров Владимир Николаевич — д.и.н., доцент, заведующий научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (г. Пушкин)
E-mail: s-w-n@mail.ru*

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда, проект № 23-18-20025 «Немцы Санкт-Петербурга: история формирования и эволюции этнического сообщества» (рук. В. Н. Шайдуров)

Среди петербургских ремесленников видное место занимали выходцы из германских государств, которые переселились в Россию в XVIII — начале XIX в. Некоторые из них влились в ряды мастеров российских цехов, часть же была причислена к иностранным цехам, которые зачастую именовались немецкими.

В отечественной и зарубежной историографии тема ремесла в Российской империи представлена крайне слабо. Некоторые аспекты были затронуты в публикациях начала XX в. Но их авторами были преимущественно экономисты.

С точки зрения истории эта тема начала появляться на страницах научных работ в 1920–1950-е гг. Например, она стала центральной в некоторых исследованиях К. А. Пажитнова.¹ Достаточно много внимания уделено петербургским ремесленникам в некоторых главах

¹ См.: Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве российского абсолютизма. М., 1952.

«Очерков истории Ленинграда».² В монографии П. Г. Рындзюнского рассмотрена история городских ремесленников сквозь призму городского самоуправления.³

Во второй половине XX в. русский ремесленник не привлекал внимания историков. Ситуация стала меняться лишь в конце XX — начале XXI в. Это было связано с произошедшими сдвигами в методологическом плане, что позволило значительно расширить исследовательское поле историков. Так, большой интерес к истории российских немцев подтолкнул исследователей к изучению проблем городских немцев, в том числе ремесленников. Однако публикаций применительно к истории XIX в. крайне мало.⁴

На общем фоне выделяется в первую очередь монография А. В. Келлера, в которой представлено авторское видение административно-законодательного и социально-экономического развития ремесленного производства Санкт-Петербурга на протяжении XVIII — начала XX в.⁵

Подводя итог краткому историографическому обзору, можно отметить, что различные аспекты истории ремесленничества в Российской империи до сих пор не изучены. Так, вне поля зрения исследователей остаются межэтническое разделение ремесленного производства и его эволюция. В некоторых публикациях последних лет эта тема уже появлялась,⁶ но она требует более глубокого изучения.

В центре внимания данного исследования находится характеристика некоторых аспектов повседневной жизни немецких ремесленников Санкт-Петербурга в XIX в. В рамках одной статьи невозможно осветить все аспекты повседневности, поэтому мы остановимся лишь на некоторых из них: на вступлении в цех новых мастеров, открытии и содержании мастер-

ских, взаимоотношения мастера с подмастерьями и учениками.

Разработка данных вопросов стала возможна благодаря выявлению и анализу опубликованных источников нормативно-правового характера (Полное собрание законов Российской империи, Свод законов Российской империи) и неопубликованных документов из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Были использованы многочисленные делопроизводственные акты (отношения, донесения, справки и пр.), статистические материалы, извлеченные из отчетов и прочих документов, воспоминания.

Вступление в цех

Действующее в России законодательство в отношении ремесленников было вполне прогрессивным. Основу его составляли Устав цехов 1799 г. и последовавший позднее Ремесленный устав, включенный в Свод законов Российской империи.⁷ Они были заимствованы чиновниками при составлении цеховых «Обрядов» в конце 1840-х — начале 1850-х гг.

Важным был факт открытости цеховой организации. В соответствующих статьях было указано, что число мастеров цеха не ограничено, их прием осуществляется в течение всего года. Это вовсе не означало, что любой желающий мог получить мастерский диплом и заниматься соответствующим ремеслом. Вопросы приема ведали алдерманы, на которых возлагалась роль присяжных мастеров.

Причисление к цеховой организации могло носить постоянный либо временный характер. На неограниченное время в цех мог записаться любой подданный, которому было позволено причисление к мещанскому обществу. При этом он должен был предоставить в Казенную палату увольнительное свидетельство, в котором также было указано, что в прежнем обществе он не имеет недоимки (ст. 92).⁸ Временное причисление было доступно для крестьян, разночинцев, мещан, но только на срок действия срочных паспортов (ст. 95–98).

² См.: Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1955. Т. 1.

³ См.: Рындзюнский П. Г. Городовое гражданство дореформенной России. М., 1958.

⁴ См.: Репина А. В. Немецкие булочники в Санкт-Петербурге // Немцы в России: Петербургские немцы = Die Deutschen in Russland: Petersburg Deutsche. СПб., 1999. С. 197–204.

⁵ См.: Келлер А. В. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII — начала XX века (административно-законодательный и социально-экономический аспекты). СПб., 2020.

⁶ См.: Келлер А. В. Российско-прусские коммуникативные практики на примере трудовой миграции берлинского слесаря Ф. В. Кнака в 1836–1837 гг. // Studia humanitatis. 2022. № 2. END UYULUN; Шайдулов В. Н., Осипов Н. А., Кайряк А. А. Немецкий ремесленный мир Санкт-Петербурга: особенности развития в первой половине XIX в. // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8, № 3 (31). С. 48–73; Шайдулов В. Н. Немецкие ремесленники Санкт-Петербурга: особенности формирования и развития сообщества в XVIII — начале XIX в. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 3. С. 23–32.

⁷ См.: Свод постановлений ремесленных // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11, ч. 2.

⁸ Здесь и далее нумерация статей Ремесленного устава дана по изданию 1857 г.

Иностранцы, не принявшие присягу, могли записываться в цехи любого города. При записи они должны были предоставить некоторые обязательные документы: мастерский диплом и справку от духовной консистории, «что они и приехавшие с ними члены семейства суть христиане» (ст. 100).

Новоявленные ремесленники при записи в цех должны были предоставить соответствующий диплом или выдержать экзамен, в ходе которого продемонстрировать профессиональные навыки. В случае переселения в Санкт-Петербург ремесленника из Москвы или другого губернского города последний от испытания освобождался.

Надо сказать, что у иностранных мастеров, переселявшихся в Россию в первой половине XIX в., по свидетельству пограничных чиновников, не было других документов, кроме цеховой книжки. В декабре 1828 г. главноуправляющий Третьим отделением А. Х. Бенкендорф распорядился, «чтобы все иностранные мастерские и ремесленники, приезжающие в Кронштадтский порт с вандербухами, начальствами тех мест, откуда они приезжают, установленным порядком засвидетельствованными, беспрепятственно пропускаемы были, не требуя от них паспортов для въезда в государство».⁹ В начале 1829 г. последовало указание Гусятинской, Исаковецкой и Могилевской таможен, «чтобы при переходе австрийских ремесленников в Россию, не отбирать от них на границе цеховых книжек для замены оных паспортами».¹⁰

В основе ремесленного производства лежал принцип профессионализма. Будучи производителем ограниченного объема продукции, ремесленник отвечал за ее качество. А вместе с ним нес ответственность и цех, к которому он был причислен. Поэтому цеховой старшина и алдерманы выполняли в том числе и надзорные функции.

Процедура испытания, которую должен был пройти претендент, до середины XIX в. не была четко прописана. Это давало возможность алдерманам некоторых цехов искусственно препятствовать росту числа мастеров, тем самым ограничивая конкуренцию между ними.

Однако причисление в цех со стороны не было распространенной практикой. Чаще цех пополнялся учениками и подмастерьями, про-

шедшими обучение в Санкт-Петербурге. Подобная практика была распространена как в российских, так и в немецких цехах.

Открытие мастерских и их содержание

Далее мы представим подтверждение нашей гипотезы о том, что немецкие ремесленники столицы представляли собой особую общность, которая, с одной стороны, сохраняла свои корпоративные черты и была отчасти закрытым организмом, а с другой стороны, уже в конце XVIII в. стала неотъемлемой частью городской жизни, проявляя включенность в разные ее сферы.

Выше уже отмечалось, что немецкие цехи объединяли ремесленников разных специальностей, а их профессиональная деятельность регламентировалась различными нормативными актами.

Согласно действовавшему законодательству, мастер, имея на руках диплом и управное свидетельство, имел право открыть свое предприятие. Правда, нередко ему приходилось сталкиваться с проблемами, которые он не всегда мог решить самостоятельно. В этих случаях он вынужден был искать поддержку не только у петербургских, но и у коронных чиновников. Рассмотрим несколько типичных ситуаций, связанных с открытием булочной.

Некоторые немецкие булочники использовали дачный сезон и стремились заручиться разрешением на открытие нового предприятия. Примером может служить Иоганн Эрнест Бартельс, который уже зимой 1853 г. направил соответствующее прошение директору Лесного и межевого института.¹¹ В нем он просил разрешения «иметь только булочное мастерство на участке земли из дачи... Института».¹² Дальнейшее содержание прошения обнаруживает, что такая лавка открывалась им не единожды, о чем свидетельствует указание на ранее полученные разрешения от Департамента сельского хозяйства Министерства финансов, в ведении которого находилось учебное заведение. Уже через две недели вопрос был решен положительно: из Департамента сообщили, что «немецкого булочного цеха мастеру Иоганну Бартельсу <разрешается> открыть булочную лавку на участке институтской земли».¹³

Вполне объяснимо стремление мастера Бартельса заблаговременно заручиться согласием

⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 114. Д. 28. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 992. Оп. 1. Д. 257. Л. 1.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 30б.

властей. Тем самым он закреплял за собой по сути монопольное право снабжать хлебобулочными изделиями жителей округа. Ведь, согласно § 15 Устава для иностранного пекарского цеха Санкт-Петербурга, булочники не должны были создавать друг другу конкуренцию, нанося тем самым финансовый ущерб.¹⁴

В иной ситуации оказался мастер немецкого булочного цеха Богдан Грабовский. К началу 1840-х гг. он был владельцем булочной в Санкт-Петербурге. Однако дела его расстроились, что привело к накоплению долгов. Это была задолженность как перед частными кредиторами, так и в уплате государственных и цеховых податей. Для решения этого вопроса Грабовский пекарню и промысловое свидетельство заложил булочнику Опшелю, правда, исправить ситуацию в лучшую сторону ему не удалось. Как следствие, летом 1841 г. они перешли в собственность мастера того же цеха Вельцина.¹⁵

Уже в 1842 г. благосостояние Грабовского улучшилось настолько, что он смог себе позволить покупку пекарни и свидетельства на нее. Ведь, согласно правилам немецкого булочного цеха, мастер, единожды продавший мастерскую и свидетельство на нее, не имел права открывать новую пекарню, а должен был купить уже существующую вместе со свидетельством.¹⁶

Согласно сохранившимся документам, он купил управное свидетельство на пекарню, ранее принадлежавшую булочнику Вистофу, получившему на нее соответствующие документы от немецкого же цеха еще в 1823 г. Но в 1824 г. Санкт-Петербург пережил сильное наводнение, во время которого мастерская Вистофа была разрушена и в дальнейшем не восстановлена. Но представленное в Ремесленную управу свидетельство оказалось ничтожным. При проверке обнаружилось, что еще в 1824 г. представленное свидетельство было продано Вистофом мастеру Шиндельбауэру. Но по утрате оно не было представлено в Управу для переоформления в течение всего этого времени.

Грабовский оказался в патовой ситуации. С одной стороны, он приобрел пекарню в Нарвской части Санкт-Петербурга, которая была готова к работе. С другой стороны, Ремесленная управа не признавала действительность предъявленного свидетельства. Как следствие, булочная мастерская была опечатана полицией и не работала.

В своем прошении на имя министра внутренних дел Л. А. Перовского Грабовский указывал на интересный факт: правило продажи и покупки пекарен было закреплено лишь в немецком булочном цехе. Подобная норма возникла, как он указывал, вследствие того, что «немецкие мастера составили себе торг пекарнями и даже достигли утверждения в 1830 г. от Градской думы и господина военного генерал-губернатора правил на продажу таких пекарен».¹⁷ Но такая норма отсутствовала как в Ремесленном уставе, так и в других нормативно-правовых актах, регламентирующих ремесленную деятельность в империи. Исходя из этого, можно сделать вывод, что немецкие мастера из числа наиболее зажиточных стремились сохранить стабильное количество пекарен в городе, не допуская появления новых. Это позволяло им контролировать городской рынок и сохранять цены на выпекаемые и реализуемые ими изделия на одном уровне. Включение же в корпоративную семью пекарей, как отмечалось в документах, требовало уплаты не менее 6 тыс. руб. ассигнациями, что было не всем под силу.

Итогом долгого разбирательства стало открытие Грабовским булочной мастерской в собственном доме, который был приобретен им на Среднем проспекте Васильевского острова.¹⁸

Открытие мастерской, например, пекарни, во многом зависело от решения Ремесленной управы. Одной из ее задач был контроль над ситуацией, чтобы ремесленники одного цеха не составляли друг другу конкуренцию. Наиболее остро этот вопрос стоял в немецком булочном цехе. Это объясняется более узкой номенклатурой хлебобулочных изделий, которые могли выпекать мастера в сравнении с их коллегами из русского булочного цеха.¹⁹ Последние, например, могли, кроме прочего, выпекать черный и ситный хлеб для продажи на вес, сайки, калачи, баранки, крендели, пироги разных сортов и величины. Контроль за этим процессом Ремесленная управа стремилась сохранить и в ходе выработки новых «Обрядов» во второй половине 1840-х — начале 1850-х гг.

Проект «Обрядов», разработанный по поручению Комиссии коллежским советником К. К. Гротом для российского и иностранного

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ См.: Цылов Н. И. Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1849 год. СПб., 1849. С. 52.

¹⁹ См.: Шайдуров В. Н., Осипов Н. А., Кайряк А. А. Указ. соч. С. 58, 59.

¹⁴ См.: ГАРФ. Ф. 6889. Оп. 1. Д. 494. Л. 4.

¹⁵ См.: РГИА. Ф. 1287. Оп. 8. Д. 798. Л. 1.

¹⁶ См.: Там же.

булочного цехов, был направлен в августе 1849 г. цеховым старостам для дальнейшего обсуждения на сходах. Мастера иностранного цеха сразу отреагировали на предложенные им нормы. В целом было заявлено, что предложенные «Обряды» они считают «вполне полезными и согласными с существующими в ...цехе порядками».²⁰ В то же время они предложили свою редакцию п. 15, регламентировавшего открытие пекарен: «Каждый вновь вступающий в цех мастер имеет право завести мастерскую, где пожелает, или приобрести таковую от другого мастера, но дабы таковые передачи не делались предметом вредных спекуляций, булочный мастер, передавший свою мастерскую другому из денежной или иной выгоды, не иначе может завести таковую вновь как по приговору цехового схода, если представится к тому уважительная причина, предоставляется же ему право приобрести уже заведенную мастерскую куплею или другим дозволенным по закону порядком перехода имущества».²¹

Подобная трактовка, казалось бы, тривиальной нормы имела под собой серьезное основание. Если русский булочный цех, согласно «Обрядам», принадлежал к числу сложных объединений, а входившие в него мастера могли заниматься выпечкой булок, хлебов, саек, калачей, баранок, кренделей, пирогов и макарон,²² то немецкий булочный цех объединял мастеров, которым было дозволено лишь булочное и макаронное производство.²³ Следовательно, возможности последних в вопросе получения прибыли были значительно уже. Немецкие булочники вынуждены были сначала создать доброе имя, сформировать круг постоянных клиентов, а затем его не растерять.

Современники отмечали факт привязанности петербургских обывателей к одной и той же булочной мастерской. Столичные жители были привычны покупать хлеб в строго определенные часы: утром, перед обедом и к ужину. Невозможность купить хлеб в привычном месте (например, из-за временного закрытия булочной) могла привести к уходу клиентов в соседнюю булочную. «Покупатель никогда булочником не дорожит, напротив, булочник должен дорожить покупателем»,²⁴ —

писал в одной из своих статей публицист В. А. Слепцов.

Мотивируя свое стремление ограничить мастеров в возможностях продажи мастерских с целью открытия новых, Иностранная ремесленная управа извещала Комиссию о ситуации, в которой оказался булочник Фридрих Вальтер. Ранее он был владельцем пекарни, расположенной в 3-й Адмиралтейской части по ул. Садовой в доме Чайковского. Об этом свидетельствуют и данные городских справочников.²⁵ Однако в 1850 г. он продал булочную мастеру Ругофу за 1 428 руб. 57 коп. сер., которые были получены наличными деньгами и векселем, а на вырученные средства намеревался открыть новую пекарню уже в Московской части столицы.²⁶ Подобные действия Управой характеризовались не иначе как игра, вредная для промышленности и благосостояния ремесла. Новоявленный мастер, решивший открыть булочную, мог стать жертвой нечистоплотной конкуренции. Бывший владелец на полученные средства мог, как считали администраторы Управы, «нередко в подрыв своему преемнику завести в близком от него соседстве вновь мастерскую и отбить у него через это значительную часть покупателей, знакомых ему по прежнему содержанию пекарни в том же месте».²⁷

Содержание мастерских в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в. и в пореформенный период имело как общие, так и отличительные черты. Так, общим было стремление городских властей превратить ремесленное производство в безопасное для городской среды. В первую очередь речь шла о соблюдении норм пожарной безопасности. Различие заключалось в слабом контроле за санитарным состоянием мастерских, который был заметно усилен в 1880-х гг.

Значительная часть кузнецов, имевших свои мастерские в Литейной и Каретной частях города, были немцами. В начале 1840-х гг. им пришлось пойти на частичную модернизацию печей. Это событие было связано с последовавшим циркуляром городского начальства, который предписывал всем столичным мастерам перестроить горновые трубы в соответствии с проектом генерала Бодэ.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 671. Л. 30.

²¹ Там же. Л. 140об.

²² См.: Там же. Л. 31–33.

²³ См.: Там же. Л. 40об.–41.

²⁴ В. С. Записки метафизика. О насущном хлебе // Отечественные записки. 1868. № 1. С. 179.

²⁵ См.: Цылов Н. И. Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1849 год. СПб., 1849. С. 50.

²⁶ См.: ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 671. Л. 141.

²⁷ Там же. Л. 141об.

Ремесленники, входившие в Немецкий кузнечный цех, соглашались с необходимостью обеспечения пожарной безопасности в городе. В их прошении на имя министра внутренних дел А. П. Строгонова от 2 января 1841 г. отмечалось, что «издержки для сего в сравнении с безопасностью совершенно незначительны, и всякий для собственного успокоения вероятно согласится потребить некоторую сумму на возведение трубы по образцовому чертежу, чем подвергать себя ответственности за могущий произойти пожар от неустройства сказанной трубы».²⁸ Но при этом они обращали внимание на технологические неудобства, возникавшие при установлении такой трубы: «Труба, устроенная боровом, прохладящаяся, не может действовать с равной силой, особенно зимой, и от того будет наполняться кузница дымом».²⁹

В течение 1841 г. продолжалась переписка между старшинами цеха и различными ведомствами. В декабре того же года военный губернатор Санкт-Петербурга П. К. Эссен дал распоряжение полиции опечатать те мастерские, в которых не были проведены технологические изменения. Подобное решение вызвало ропот среди мастеров, которые стали нести убытки.

В многочисленных прошениях, которые мастера кузнечного цеха подавали в разные инстанции, выдвигались аргументы в пользу сохранения прежних принципов. Так, была указана несомненная польза от нововведений генерал-майора Бодэ для частного или казенного фабрично-заводского производства, в котором печь и трубы никогда не остывают. Но частной кузнице сооружение сложной системы несло только вред.

В кузнечном производственном цикле важное место уже в это время занимал каменный (еще его называли голландским — *В. Н.*) уголь, который пришел на смену дровам и древесному углю. При сгорании он образовывал значительное количество сажи, а потому ее скопление в трубах не могло вызвать возгорание соседних зданий.

Апеллировали немецкие кузнецы и к городской статистике пожаров, призывая власти «взять верную справку от страховых обществ от времени их учреждения, сколько в Петербурге было застраховано домов, в которых есть кузницы, и сколько в оных было пожарных случаев собственно от кузнечных работ».³⁰

Вплоть до начала 1844 г. власти стремились добиться от кузнецов перестройки печей. Однако городские реалии вынудили их пойти на компромисс. В городе, где было множество частных кузниц с занятыми в них сотнями рабочих, которые функционировали уже не один десяток лет, провести радикальную реформу не удалось.

Мастер — подмастерье — ученик

Повседневная жизнь немецкого ремесленника, как и любого другого предпринимателя, была немыслима без работников. В отличие от фабриканта или заводчика капиталистического типа, он пользовался трудом подмастерьев и учеников.

Учениками становились дети в возрасте от 7–8 лет, которых родители отдавали мастерам. В этом случае между родителем и мастером заключался договор. Согласно контракту, ученик должен был, например, научиться шить «военные и статские мундиры, брюки, сюртуки, фраки, жилеты чистыми и наилучшим шитьем, а также снимать мерки с вышеназванных вещей».³¹ Срок обучения зависел от ремесла и был прописан в контракте. Так, мастера бронзового цеха брали учеников на 6 лет, а сапожное дело осваивали за 3 года.³² Плата мастеру за учение оговаривалась особо. В нее включалось не только освоение ремесленных азов. Мальчик жил в доме мастера на его харчах.

В пореформенный период практика ученичества приобрела большой размах. Набирались дети отставных солдат, крестьян, городских обывателей. Нередко детей отдавали в ученики мастерам иностранных цехов.

Среди учеников преобладали мальчики. Но в пореформенный период нередко были случаи поступления в ученицы и девочек. Чаще всего можно было встретить их в ремеслах, связанных с шитьем. Так, в марте 1889 г. крестьянка Евдокия Яковлева заключила 4-летний контракт с портной мастерицей Еленой Бергман на обучение дочери Татьяны. Плата за обучение составила 100 руб.³³ В октябре того же года унтер-офицерская жена Анна Андреева отдала в учение на 4 года крестницу Наталью Васильеву ткацкой мастерице Софье Кесневиль.³⁴

В некоторых случаях мастера принимали так называемых «вечных» учеников. Ими

²⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 39. Л. 2.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 110б.–12.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 3492. Л. 1.

³² См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29 Д. 896. Л. 38.

³³ См.: Там же. Л. 110б.

³⁴ См.: Там же. Л. 390б.

становились, как правило, вольноотпущенные (бывшие дворовые или крепостные). В этом случае между ними заключался контракт, в котором были оговорены все условия. Соглашение наряду с прочими документами (вольноотпущенная и пр.) регистрировалось в Ремесленной управе, а соответствующие сведения вносились в городскую обывательскую книгу.³⁵

Отношения между мастером и учениками могли складываться по-разному. Многое зависело от личности. В некоторых случаях, например, ученики благополучно завершали обучение, получив от мастера аттестат для предъявления в Ремесленную управу. В дальнейшем они получали соответствующий диплом, который давал им право именоваться подмастерьем.

Но нередко были случаи, когда ученик так и не осваивал азы профессии. Примером может служить обучавшийся портному делу у мастера Фивегера солдатский сын Павел Андреев. По истечении контракта он получил соответствующий аттестат и «был подвергнут Ремесленной Управой испытанию в знании своего мастерства и лица, испытывавшие его портные мастера Мориц Кессельдорф и Долганов показали, что мещанин Андреев первоначальное правило кройки он познал, что же касается до шитья, то представленные им... оказалось сделано чрезвычайно дурно, и потому... ничего порядочного ему для шитья дать нельзя».³⁶ В выдаче соответствующего диплома ему было отказано. Родительница на этом основании обвинила мастера в нечистоплотности и потребовала вернуть деньги за обучение.

Зачастую, однако, ученики пренебрежительно относились к обучению. Во многом это можно объяснить нежеланием в дальнейшем заниматься соответствующим ремеслом. Не стоит забывать, что в учение отдавали в возрасте 7–8 лет. В дальнейшем уже у подростка могло возникнуть чувство неприязни к ремеслу, которое переносилось и на мастера. Внутренний протест перерождался в конфронтацию.

В качестве наглядного примера можно привести ситуацию, возникшую в 1866 г. в мастерской портного Карла Диллинга. Среди прочих учеником по контракту у него был уроженец Смоленской губернии Терентий Андреев. Частые конфликты с малолетним работником вынудили мастера обратиться в Ремесленную

управу. В жалобе последний просил «Управу означенного Терентия Андреева наказать розгами и внушить ему во всем до срока контракта повиноваться мне, как его хозяину».³⁷

Почему Диллинг обратился с жалобой на ученика в Управу, становится понятно при изучении ситуации, сложившейся вокруг наказания учеников и подмастерьев. Еще в середине 1850-х гг. Российской и Немецкой ремесленными управами мастерам всех цехов было объявлено, чтобы «они ни в каком случае не позволяли себе подвергать собственноручному телесному наказанию живущих у них подмастерьев и учеников, а в случае каких-либо недозволительных с их стороны проступков обращались с жалобой в местную полицию или к цеховому начальству».³⁸

Сами мастера заявляли, что обращались в полицию и Управу лишь в тех случаях, когда их подопечные совершали серьезные правонарушения (кражи и т. п.). Во всех же мало-важных проступках учеников, «что каждый день и в каждой мастерской может случиться, подвергали по силе ст. 1825 Уложения о наказаниях мерами домашнего исправления и наказанию отческому свойственному летам».³⁹ Староста шорного цеха писал в донесении, что «мастера объявили..., что они на пред сего поступали с учениками за небольшие проступки как то за неопрятность в работе, и нерадение к оной усовещали словесно, и если не ограничивалось этим, то давали как своим детям, так и ученикам по несколько розог, самых наилегчайших».⁴⁰

Насколько же тяжкими оказались проступки Терентия Андреева? Самовольные отлучки, грубость и дерзость заставили мастера искать на него управу. Эти факты были предъявлены заседателем Управы Н. О. Гибнером. На их основании ученика приговорили к наказанию при полиции «розгами 10 ударами и по наказании возратить мастеру Диллингу... со строгим внушением на будущее время отнюдь подобных шалостей не делать».⁴¹

Отношения мастера и подмастерьев находились в иной плоскости. В отличие от ученика, последний не был привязан к конкретной мастерской и ее владельцу. Имея на руках подмастерский диплом и будучи приписанным к

³⁵ См.: ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 1196. Л. 1.

³⁶ Там же. Д. 3492. Л. 4.

³⁷ Там же. Д. 3487. Л. 1.

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 2342. Л. 3–30б.

³⁹ Там же. Л. 36.

⁴⁰ Там же. Л. 68.

⁴¹ Там же. Д. 3487. Л. 3–30б.

городскому ремесленному сообществу, он мог в любой момент покинуть мастера. В некоторых случаях, например, в булочном производстве, мастера нанимали подмастерьев для выполнения определенных работ.

Булочные подмастерья представляли в Санкт-Петербурге особую прослойку. Местом их средоточия была так называемая квартира-пристанище. Появившаяся еще в правление Екатерины II по инициативе булочников из Саксонии, Вюртемберга и других германских государств, она была не только местом средоточия квалифицированной рабочей силы, но и ограждала прибывших из Германии работников от русских.⁴² Таким образом булочники стремились сохранить секреты мастерства. К середине XIX в. в городе было уже четыре такие квартиры, расположенные преимущественно в центре (на ул. Большой Подъяческой и в окрестностях Сенной площади). Две нанимались братством булочных подмастерьев, две содержались частными лицами.⁴³

Уже к этому времени сложилась ситуация, которая будет сохраняться вплоть до начала XX в. Знаком жизни петербургских — петроградских булочников рубежа XIX–XX вв. Б. И. Иванов в своей рукописи «Цеховая организация рабочих-пекарей Петербурга в 18 и 19 веке и экономические условия труда рабочих до 1914 года»⁴⁴ по этому поводу писал: «Главная основная задача пристанищ, как немецкого, курляндского, финского и затем остальных пристанищ, заключалась в том, что оно должно служить местом, откуда хозяин-мастер должен был брать на работу нужных ему подмастерьев. И вместе с тем такая форма приискания работы, заранее создавала тенденцию, когда подмастерье считал для себя позором идти проситься на работу к хозяину. Он сидел в пристанище, иногда по несколько месяцев дожидаясь, когда понадобится рабочий и когда за ним придет сам хозяин. И если находились такие, которые просились на работу помимо пристанища, то таковые беспощадно изгонялись из среды членов собрания и нередко избивались подмастерьями».⁴⁵

Таким образом, немецкий ремесленный мир Санкт-Петербурга в XIX — начале XX в. превратился в неотъемлемую часть городской жизни столицы. Государство с рубежа XVIII — XIX вв. стало уделять больше внимания городским ремесленникам. Основой их жизни стал Устав цехов, который сохранял свое значение до городской реформы 1870 г. Преобразования системы городского управления столицы во второй половине 1840-х гг. привели к дальнейшей регламентации деятельности российских и иностранных цехов. Комиссией для составления нового общественного управления в Санкт-Петербурге в 1850-х гг. были разработаны и утверждены «Обряды», ставшие основой для дальнейшей деятельности цеховых обществ вплоть до 1917 г.

Уже к 1830–1840-м гг. цехи превратились в особые городские корпорации. При сохранении формальной открытости и возможности любому мастеру причислиться в тот или иной цех нередко реализовать это право было крайне трудно. Цеховая верхушка стремилась через контроль за численностью мастеров не допускать роста конкуренции. С этим же были связаны некоторые неписанные правила, которые ограничивали мастеров в открытии новых мастерских. Наиболее ярко это проявилось в деятельности как российского, так и немецкого булочного цехов. Каждый мастер имел свою постоянную клиентуру, которой он дорожил.

В условиях технической модернизации городские власти предпринимали попытки усовершенствования ремесленных мастерских. Однако и здесь не обходилось без перегибов. Преследуя вполне благую цель — обезопасить город от возможных пожаров — они поставили на грань ликвидации большинство кузниц. Лишь настойчивость и грамотный подбор аргументов представителями кузнечного цеха помогли убедить чиновников в необходимости пойти на компромисс.

В повседневной жизни мастерской основными актерами оставались мастер, подмастерья и ученики. Отношения между ними выстраивались на контрактной основе. Но это не застраховывало от конфликтных ситуаций. Нередко в их решение вынуждены были вмешиваться представители не только того или иного цеха, но даже Ремесленной управы и полиции.

⁴² См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-6261. Оп. 33. Д. 57. Л. 1.

⁴³ См.: ЦГИА СПб. Ф. 846. Оп. 1. Д. 2.

⁴⁴ Иванов Борис Иванович (1887–1965), ученик и подмастерье булочника (с 1901 г.), секретарь Союза булочников Петербурга (1910–1912), рукопись датирована 1930 г. ГАРФ. Ф. Р-5449. Оп. 1. Д. 97.

⁴⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-5449. Оп. 1. Д. 97. Л. 49.

Vladimir N. Shaidurov

Doctor of Historical Sciences, Pushkin Leningrad State University (Russia, Pushkin)

E-mail: *s-w-n@mail.ru*ST. PETERSBURG'S GERMAN CRAFTSMEN IN THE 19TH CENTURY:
CORPORATE AND PRODUCTION ORGANIZATION

The craftsman has been a prominent figure in Russia's social and economic history of the 18th – early 20th centuries. In the absence or underdevelopment of manufactory and factory production, he was the main producer of goods, which an urban citizen could not exist without. Since 1720s, St. Petersburg craftsmen were united into craft guilds, which existed until 1917 (German craft guilds until the outbreak of the First World War). However, scholars have virtually overlooked this social group. The article is based on published and archival documents and considers some aspects of daily life of German craftsmen in 19th century St. Petersburg. It analyses the evolution of their civil and legal status. It also describes the procedure of joining the craft guild as well as arising issues, some of which were artificially created by the shop foremen in order to control the number of masters and preserve their own monopoly. The author examines the main aspects related to the opening and maintenance of a craft guild. The mechanism of internal regulation of masters' activity, which was supposed to prevent the competition between them, is presented on the example of a bakery guild. The main source of labor force in craft guilds were journeymen and apprentices, whose position was regulated by the relevant documentation. It is concluded that the government was not sufficiently attentive to craftsmen within the framework of the class policy. The main normative legal acts defining their position appeared at the end of the 18th – first half of the 19th century. The capital's German craftsmen were included both in Russian and foreign craft guilds. They used the existing guild organization to consolidate their dominant position in bakery, music and instrument making, bookbinding and some other industries. While maintaining guild insularity as much as possible, the foreman helped prevent unscrupulous competition between the masters of the same guild. He also regulated the relationship between the master, journeymen and apprentices.

Keywords: *daily life, German craft guild, craftsman, master, journeyman, apprentice, shelter, St.-Petersburg*

REFERENCES

- Keller A. V. *Remeslo Sankt-Peterburga XVIII – nachala XX veka (administrativno-zakonodatel'nyy i sotsial'no-ekonomicheskiiy aspekt)* [Crafts of St. Petersburg in the 18th – Early 20th Century (Administrative, Legislative and Socio-Economic Aspects)]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2020. (in Russ.).
- Keller A. V. [The Russian-Prussian Communication Practices and Migration of Specialists to Saint Petersburg by the Example of Berlin Locksmith Master F. V. Knack in 1836–1837]. *Studia humanitatis*, 2022, no. 2, article 3. (in Russ.).
- Ocherki istorii Leningrada* [Essays on the History of Leningrad]. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1955, vol. 1. (in Russ.).
- Pazhitnov K. A. *Problema remeslennykh tsekhov v zakonodatel'stve rossiyskogo absolutizma* [The Problem of Craft Guilds in the Legislation of Russian Absolutism]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1952. (in Russ.).
- Repina A. V. [German Bakers in St. Petersburg]. *Nemtsy v Rossii: Peterburgskiiye nemtsy* [Germans in Russia: Saint Petersburg Germans]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1999, pp. 197–204. (in Russ.).
- Ryndzyunsky P. G. *Gorodovoye grazhdanstvo doreformennoy Rossii* [Urban Citizenship of Pre-Reform Russia]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958. (in Russ.).
- Shaidurov V. N. [German Craftsmen of Saint Petersburg: Specifics of Formation and Development of the Community in the 18th – Early 19th Century]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Journal of the Belarusian State University. History], 2023, no. 3, pp. 23–32. (in Russ.).
- Shaidurov V. N., Osipov N. A., Kajryak A. A. [German Craft Culture in Saint Petersburg: Characteristics of Development in the First Half of the 19th Century]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2023, vol. 8, no. 3 (31), pp. 48–73. DOI: 10.46539/jfs.v8i3.532 (in Russ.).

Для цитирования: Шайдуrow В. Н. Немцы ремесленники Санкт-Петербурга в XIX в.: корпоративная и производственная организация // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 165–173. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-165-173.

For citation: Shaidurov V. N. St. Petersburg's German Craftsmen in the 19th Century: Corporate and Production Organization // Ural Historical Journal, 2024, no. 2 (83), pp. 165–173. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-165-173.